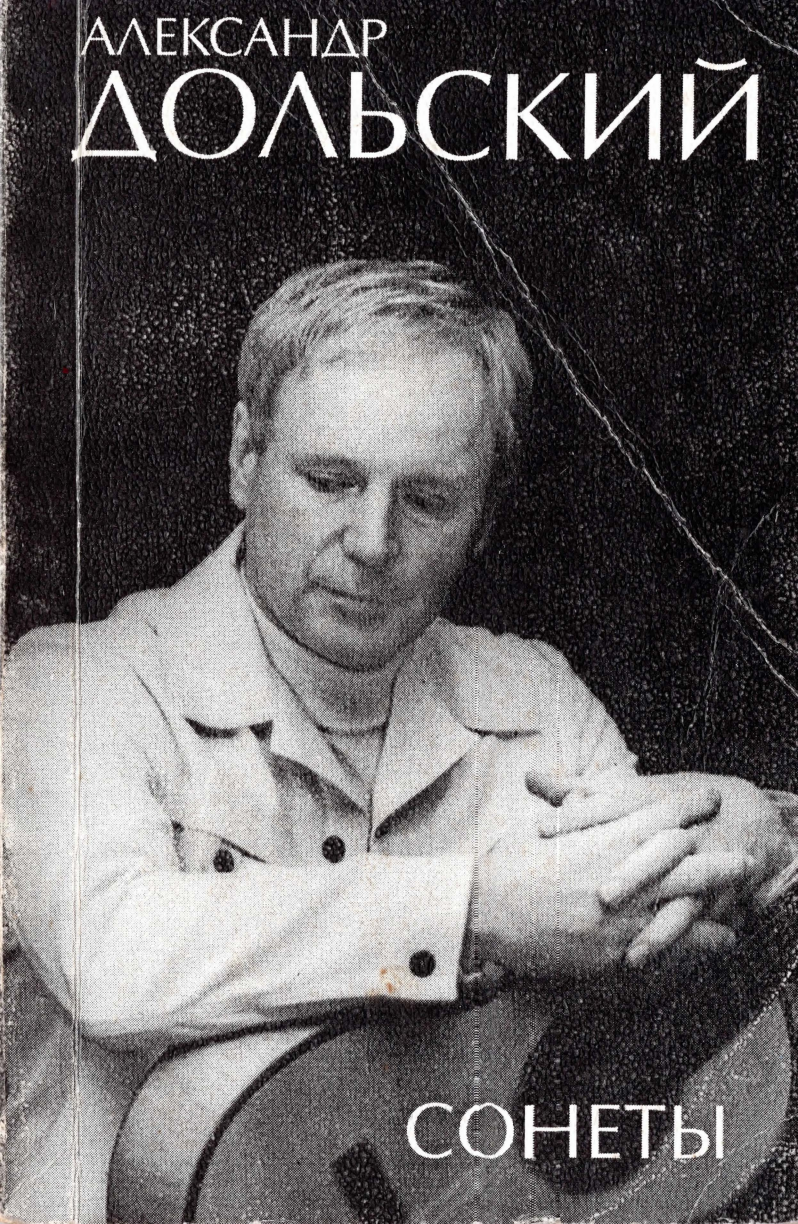
АЛЕКСАНДР

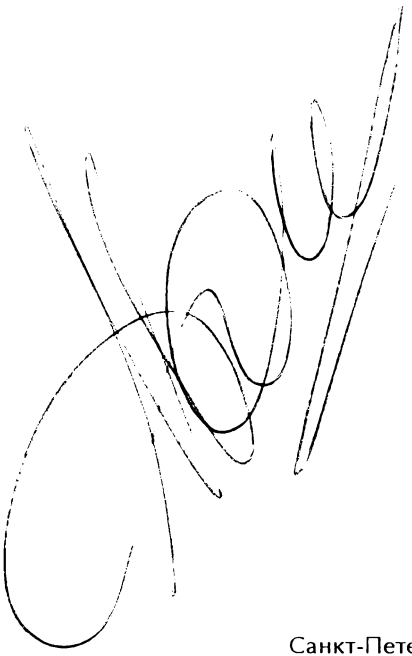
ДОЛЬСКИЙ



СОНЕТЫ

Александр Дольский

СОНЕТЫ



Санкт-Петербург
1999

Издательство Фонда Русской поэзии
при участии альманаха **«Петрополь»**

Главный редактор и издатель **Николай Якимчук**

Редакция: Наталья Гонохова, Юлия Алексеева, Елена Жукова, Анджела Левкина

Дизайн обложки Владислав Кузнецов

Александр Дольский
СОНЕТЫ
Новая книга

ИЗДАТЕЛИ БЛАГОДАРЯТ
Александра Хочинского, Сергея Юрского, Валентина Гафта, Светлану Крючкову, Юрия Шевчука, Дмитрия Зашеринского, Ирину Соловей, Павла Воробьёва, Бориса и Нину Блотнер
за многовариантное содействие;

художников,
передавших свои произведения
в фонд альманаха **«Петрополь»:**
Эрнста Неизвестного, Глеба Богомолова, Елену Зайцеву, Юрия Брусовани, Нугзара Кахиани, Нодара Аргвлиани, Владимира Духовлинова, Ирину Власову, Владимира Жигулина, Елену Казарину, Анатолия Колесникова, Елену Грицман, Бориса Энгельгардта, Татьяну Еникееву, Владимира Стригалева, Петра Охту, Виктора Тихомирова, Сергея Алипова, Бориса Александрова, Светлану Иванову, Валерию Самойлову, Анатолия Клеймица, Надежду Шевцову, Александра Буровцова, Валерия Иванова-Военушкина, Аркадия и Элину Котляр

Особая благодарность компании ***«ФИННЭЙР»***,
Петербургскому комитету литераторов,
Гуманитарному фонду ***«Свободная культура»***

ISBN 5-89108-024-9

© Фонд Русской поэзии, 1999
© Александр Дольский, 1999

I

Музыка

Есть в музыке такая сила,
такая тягостная власть,
что стоит под нее подпасть,
и жизнь покажется красивой.

Но музыканты, вот напасть,
порой горды невыносимо
и неоправданно спесивы,
что публике попали в масть.

Они забыли, что призванье —
не рента славы и утех,
и за талант им, как за грех,
грядет работы наказанье.

А музыка, живя в природе,
сама служителей находит.

1956

II

Язык Души

Люблю строфические игры
и слов святой самообман,
и рифм непрочные вериги,
и ритма жреческий дурман.

Душа мудра, душа безумна.
Она не знает языков.
И только обонянье гунна
и зренье греческих богов

ей помогают без ошибки
учуять музыку в строке.
В ней все египетские свитки,
разгаданные по руке,

и звезд мерцающие слитки,
летящие в немой тоске.

1960

III

Начало

Я начинал с упорного труда,
с мозолей от этюдов и пассажей.
Я Музой был за инструмент посажен,
хотя ее не видел никогда.

Без посещений этой странной девы
я, как фанатик, годы проводил.
И, не жалея времени и сил,
играл прелюдии, ноктюрны и напевы.

Я пол-Европы в нотах перебрал,
и гениев я пальцами коснулся.
От звуков их очнулся и проснулся.

И жизнь зазвучала, как хорал.
Доходят руки до таких глубин,
где сердцем побывал Творец один.

1983

IV

Любитель живописи

Один человек стал настолько старым,
что всем было странно,
почему он еще жил.
А он все ходил по картинным галереям

и рассматривал картины.
Однажды
к нему подошла девушка
и сказала —

Дедушка,
у Вас не найдется спичек?
Он ответил —

Спичек у меня нет,
но есть некоторые соображения
насчет Пикассо.

1954

V

Первая встреча с Музой

О, Муза, ты одна у всех, кто в Храм Искусства
заходит второпях, не вытерев сапог,
и денег требует за искренние чувства
и Славы за талант, что ловок и убог.

Толкаются, шумят, завидуют друг другу,
стараясь угодить Толпе и Наверху.
И ты обносишь всех Своим Вином по кругу,
по-царски не причастна к этому греху.

И я пришел в твои чудесные хоромы.
Принес гитару я и старую тетрадь
и в дальний угол сел. Старательно и скромно,
сложив простую песнь, стал тихо напевать.

Но ты не подошла. Идут, идут года...
Я вспоминаю Храм твой иногда.

1960

VI

Вторая встреча с Музой

Когда я предстал перед Музой
с негромкой гитарой в руках,
то ей показались обузой
звенящие квинты в стихах.

Про все, что я пел, она знала.
Конечно же — сколько ей лет!
Но все заставляла: — Сначала!
Вот тот, нет, вот этот куплет.

Когда она мыла посуду,
сказала назло небесам:
— Тебя посещать я не буду,
но ты приходи ко мне сам,

гитару с собой приноси,
покажешь, где До там, где Си...

1962

VII

Евтерпа

Она мне сказала — музы́ка
по ведомству Музы другой.
Тем более вашего лика
не помню я, мой дорогой.

Гитара и пение — дело,
поверьте, совсем не мое.
Мне, правда, Сафо что-то пела,
Превер с перепою поет.

Но я к ним сама... Мне не трудно,
когда настроение есть.
И ночью кромешной, и утром...

Они почитают за честь.
А вы без звонка, без доклада...
Ну, ладно! Я слушаю, ладно!..

1974

VIII

Повторы

Я не ищу тревожных рифм
для выражения тревоги.
Все повторяется. И Боги
ушли, сюжеты повторив.

Мне печень рвет тот самый гриф,
который послан к Прометею.
Я потерял свою Медею...
Но не Тезей я, а Сизиф.

На плечи давит тяжкий камень...
Гранит под мощною стопой
трещит и сыплется крупой.

Цепляюсь за скалу руками...
И груз мой катится назад.
И шея, и спина болят.

1974

IX

Слова

Как в каждой жизни снова
открытие основ,
так мысль находит слово,
освободясь от слов.

И словом переполнен,
невидимо стеки
в ритмичные, как волны,
поющие — стихи.

И возвратись обратно
в нескладный мир скорей
душою многократно
светлее и добрей.

Живи, как пишешь. И пиши,
как слово падает с души.

1956

X

День и Ночь

День. Пустая голова.
Вечер. Все пустая.
Книги не листаю,
путаю слова.

К полудню растают
в окнах кружева,
клены рукава
от снега опростают.

Месяц, как сова,
прилетает в полночь...
И печалью полны

световые волны.
И в стихах невольно
плещется Нева.

1975

XI

Сонет Гармонии

Мне линия явилась раньше звука.
Лет в пять, когда уже читаешь лица,
меня впервые посетила мука...
И на бумаге появилась Птица.

Потом рисунок в слово перетек,
а слово с музыкой затем перемешалось.
И рифма не читалась, а дышалась.
И сам я выдыхал ритмичный слог.

И был мой вкус прекрасно бессистемен.
Европа, Африка, Америка — весь Свет!
И даже Рок — великий Бес Истерик —
на время вытеснил сонет и триолет.

Соединились Слово, Звук и Цвет
в гармонии Души на много лет.

1973

XII

Гитара

Мне все кажется, что Некто
заколдованный во мне
спотыкающимся плектром
прикасается к струне.

Эти северные звуки,
что летают в голове,
по плечам стекают в руки,
точно капли по траве.

И от сердца тих и светел,
улетающий в зенит
и пульсирующий ветер
по гитарному звенит.

А рука или струна
не видна и не слышна.

1955

XIII

Желание полета

Я часто молился о круче...
Когда перекрыты пути,
и должен ты вечно ползти,
неволя полетам научит.

Стихи были мне небесами
и странами разных широт.
Пестрела строфа чудесами...
Был путь мой — разбег и полет!

Все ждали — вот я упаду...
В стихах, что у всех на виду,
одни находили забаву,

другие искали грехи.
Но первые были не правы,
и были вторые глухи.

1981

XIV

Явление слова

В мелодии всегда живет Природа.
И сочетанье нот, как запах трав,
вдруг обернулось, логику поправ,
явленьем — гор, лесов и небосвода.

И множество других рефлексов звука
рождалось, гасло, возникало снова.
И все настойчивей являлось Слово —
Гармонии порука и наука.

Оно снижало высоту паренья.
И запах гари нес эфир музы́ки.
Симфонии таили — слезы, крики,

аккорды тихих струн — стихотворенье.
Краесогласье, как конец этюда,
являло музыки словесной чудо.

1974

XV

Старые мастера

Живых поэтов я любил, но странно...
Я не учился ничему у них.
Воспитывали мой веселый стих
другие времена, чужие страны.

Ни мелочных расчетов и ни лести
мои учителя не понимали
и из своей непостижимой дали
меня учили ремеслу и чести.

И вот, когда мой опыт был не мал
и галлофильства пунктик мне вменялся,
я до российских гениев поднялся.

В том смысле, что порой их понимал.
Тома Вольтера, Ницше и Сенеки
мне заменял пленительный Онегин.

1981

XVI

Джаз

Вышла,
и стало
ясно
сразу —

быть ей
хозяйкой
Олимпа
греков —

черноголовая
Муза
джаза

в ожерелье
синкоп
и брейков.

1961

XVII

Бродский

Род бормотанья и сумбурных
наивных выкриков простых,
как бы вставая на котурны —
в век девятнадцатый культурный

бросаешь вороненый стих.
Он побурел, как грань металла,
соотнесенная с O_2.
Так Жанна тихо догорала,

в поленьях видная едва.
Так ты прядешь строфы слова,
осоловев от никотина.

И строк прозрачных паутина
из кофе, боли и вина
горит. И суть в огне видна.

1987

XVIII

Народный писатель

Я очень люблю графоманов...
И сам все пишу и пишу.
Имею пятнадцать карманов
и в каждом ношу я лапшу.

У нации что-то на слухе
из вечных писаний моих.
Лапша на каком-нибудь ухе,
но чаще всего на двоих.

Родные граждане и братцы,
писатель я очень крутой.
Мне хочется быстро издаться,

поэтому тысяч двенадцать
подайте мне, или тринадцать.
А если не жалко, то сто.

1996

XIX

Коллеги

Поэты Великой Державы
мои пролистали стихи —
судьбы непонятные главы.
И были глаза их сухи.

Казались им мысли корявы,
а рифмы пусты и легки...
И были по-своему правы
обласканные старики.

Была их корявость другая —
привычная и дорогая.
И жизнь им моя ни к чему.

Они уже мир изучили...
Должно быть все ясно им, или
не стоит трудиться уму.

1965

XX

Артисты

Мужчины, надевшие тряпки
в разводах и блестках до пят,
мундиры, и серьги, и тапки,
поющие феню и мат,

девицы с уродливым русским,
с глазами простых продавщиц,
с талантом попроще закуски,
в огне музыкальных вещиц

неловко трясущие телом —
любимы народом своим,
от вечных проблем обалделым,
голодным, оборванным, злым.

Он слушает это не сдуру,
он любит родную культуру.

1994

XXI

Тетрадь

Звездам числа нет, бездне — дна.
М. В. Ломоносов

День кончился, и я раскрыл тетрадь.
Числа нет мыслям, чувствам дна.
Привычный труд — и думать, и писать,
обыкновенье меркнущего дня.

И возвращаться вновь к прошедшим без следа
делам и впечатленьям давних дней.
Какая же морока и беда!
Как будто жизнь без этих строк бедней.

Как будто не вошедшее в значки
навеки утеряется. И дым
над горестным отечеством моим
мне выест дальнозоркие зрачки.

Но кто-то отнимает мой покой
и до утра владеет сердцем и рукой.

1960

XXII

В безлюдном мире

Светло от сутолоки звезд,
идут космические грозы,
и Мир безлюден, строг и прост,
неотражен и неосознан.

Из кратеров струится дым
густой, оранжевый и теплый,
и золото течет за ним,
гранит и будущие стекла.

И кроны будущих дубов
дрожат в листве травинки древней,
и наша горькая любовь

живет уже и сладко дремлет.
И видит тьмы неясных снов,
счастливых, горестных, без слов.

1960

XXIII

Сонет несовпадений

Я жил, как будто я бессмертен,
как боги греческие встарь.
Григорианский календарь
хранил в заклеенном конверте.

Конверт был с маркой голубой.
На ней была твоя головка,
повернутая так неловко,
что я все плакал над тобой.

Воспоминаний тех казна
лежит, их тратить не могу я.
Тебя я встретил — не узнал.

И полюбил совсем другую.
Но в том краю, где Горний Скит,
она не мне принадлежит.

1959

XXIV

Расстояния

Не нужно ни слова, ни взгляда,
не нужно касания рук —
мы сквозь расстояния рядом,
мой самый единственный друг.

Не нужно печального пенья —
сомнений в себе не несем.
А только терпенье, терпенье,
и полная ясность во всем.

И только одним мы и дышим...
И тут согласится любой,
что нет обстоятельства выше,
чем светлая наша любовь.

И время — от снега до вишен
утонет в бадье голубой.

1962

XXV

Слушательница

Ты слушаешь меня. Но я не в силах
все рассказать тебе о смертных и Богах,
о странах, где меня фантазия носила,
о тягостных друзьях и ласковых врагах.

Слова неповоротливы, случайны,
несоответственны души полутонам.
Но ты воспринимаешь эти тайны,
как ветер, пробежавший по волнам.

Твое воображенье мягче глины.
Леплю я судьбы, горы и долины...
Ты на икону свежую похожа,

лишь руки отнимаешь от лица.
Понять меня умом совсем не можешь,
но сердцем понимаешь до конца.

1959

XXVI

Затмение Солнца

Когда леса Луной озарены,
их контуры таинственно неясны.
Под солнцем кроны яркие прекрасны,
и еле виден тусклый серп Луны.

Вся наша жизнь — леса и перелески.
В них наши тропы только днем видны.
Ты — Солнце, и в твоем слепящем блеске
я блекну наподобие Луны.

О небесах, о звездах разговору
не нужен блеск и куртуазный риск.
Затмение Луны привычно взору.

Почти всегда ущербен желтый диск.
Затменье Солнца в нашей жизни раз
произошло и испугало нас.

1959

XXVII

Мольба о безумии

О, как разнятся души и лица!
Бесконечна Природы игра.
И безумная линия длится
по крови от Царя до вора.

Как букеты грехов многоцветны!
Запах сладок, телесен, тяжел.
Преступления ветхозаветны...
Их начала от вин или жен.

А причины грубы и высоки,
в сочетанье любви и ума
с жалким телом, где мощные соки
жгут божественных мыслей тома.

Боже Правый, молю — отрави!
Пусть мой разум сгорит от любви!

1973

XXVIII

С июля по октябрь

Во всем, что связано с тобою,
я неудачлив и неправ.
Ты слишком легкою стопою
идешь по малахиту трав.

Ты рассуди — со мной тебе ли
глазами плыть по синеве,
под шум берез и птичьи трели
лежать в некошенной траве...

Не мне с тобою утром ранним,
с корзиной выйдя из избы,
за разговором, со стараньем
искать в осиннике грибы.

Ты нежишься в ветрах июля,
меня октябрьские продули.

1966

XXIX

Сонет предчувствия

Ты любишь. По твоим глазам,
по дрожи рук и поцелуя
я понял. Но ответить сам
в такой же мере не могу я.

Пусть это чувство там внутри,
в твоем трепещущем предсердьи,
живет без боли и усердья.
Через него на мир смотри.

В нем нет печали и страданья.
И как его ни назови,
оно — есть счастья ожиданье,

предощущение любви.
Его опасность пустякова,
что примешь за меня другого.

1964

XXX

Преграда

Я воспевал твой тонкий лик,
как самый светлый в этом мире.
И в твой характер, как эмпирик,
метафор скальпелем проник.

И вот, однажды я постиг,
что тем, кто любит — не до лирик.
И попусту бренчать на лире
я прекратил в тот самый миг.

И это было то, что надо...
Теперь негромкий голос мой
тебе понравится самой.

В нем для больных сердец услада.
Но между нами есть преграда
последняя — я не немой.

1958

XXXI

Украшения

У зеркала ты битый час
сидишь и портишь очень мило
все, чем природа одарила
тебя, что славно без прикрас.

И примеряешь по сто раз
ты металлические вещи,
в зеркальной заводи трепещут
две золотые рыбки глаз.

О женщины из всех веков!
Как вы стремитесь терпеливо
привлечь фантазией крикливой
самовлюбленных петухов.

Вот так же на фасаде храма
висит торговая реклама.

1960

XXXII

Сонет измены

Я все отдал бы, чтобы верить
в твою измену, милый друг.
Я не боюсь тогда разлук,
когда осознана потеря.

И сомневаюсь в той же мере,
в какой горю от страшных мук.
Но разорвать порочный круг
боюсь, себя в беде уверя.

И не решаюсь произнесть
вопрос жестокий и постыдный,
чтобы услышать то, что видно,
и предпочесть покою честь.

И мы молчим, молчим лукаво,
пока молчать имеем право.

1959

XXXIII

Сонет разлуки

Как несправедливо мы судим,
как горько жалеем потом...
Уходят любимые люди.
Пустеют и сердце, и дом.

Неважно, что было причиной.
Иные их ждут города...
Но это еще не кручина,
уходят порой в никуда.

И это уже невозвратно...
Не то, что, мол, где-то живет
и пишет нам неаккуратно.

Он воздух, вода, небосвод —
вот чем он вернулся обратно,
как будто его кто-то ждет.

1968

XXXIV

Две птицы

Мы встретились в таком просторе,
в таком безмолвии небес,
что было чудом из чудес
пересеченье траекторий.

Быть может, мы в совместный путь
могли с тобой пуститься вскоре —
в чем состояла цель и суть
всей нашей жизни, но на горе

мы с удивлением открыли,
что птица птице не под стать,
стремительные наши крылья
в полете будут нам мешать.

Так мощен наших крыл разлет,
что сблизиться нам не дает.

1972

XXXV

Портрет на фоне июня

Твои волосы тяжко упали
из-под гребня, что вынула ты...
И струились полдневные дали,
и пестрели простые цветы,

и сосна за спиной малахитом
отражалась на охре волос,
и рука, словно розовый свиток,
проплывала на фоне берез...

Этот день, эти блики и тени,
и стрекоз, и траву, и леса,
и печаль твою в мире цветений
увидали одни Небеса.

Но отныне со мною везде
этот миг на упругом холсте.

1960

XXXVI

Август

Вот и малина уже отошла...
Ясно, прохладно днем.
Небо ночное — огромный дуршлаг,
свет за дырявым дном.

Падал и я с высоты облаков...
Нынче не так уж я глуп,
чтобы присвоить на веки веков
запах рябиновых губ.

Перед сном еще раз
вспомни Август.
И коснется серых глаз
Аргус.

Этот мой любимый Бог из сказок.
Только он мне не помог ни разу.

1955

XXXVII

Времена

Какие были времена,
какие недоразуменья!
О, интонация сомненья,
трактуемая как вина!

Прошла великая война,
и сразу кончилось терпенье,
и зазвучали песнопенья...
Пришли иные времена.

Никто, мой друг, не виноват,
что появились мы в неволе.
Но что б мы делали без боли? —
творцы сонетов и сонат.

И будут нас любить отныне
светловолосые Богини.

1961

XXXVIII

Повинный сонет

Представь себе — с повинной я пришел.
Не первый раз в дороге нашей длинной.
Тебе и мне опять нехорошо,
и снова я пришел к тебе повинный.

Не виноват ни в чем, и потому
пришел склониться искренне и низко.
Что непонятно светлому уму,
то сердцу натерпевшемуся близко.

Ты не права, но ясно мне одно —
ты ни при чем, виновны третьи лица.
Тебе неправой право быть дано.

Ты женщина, и все тебе простится.
Ведь не виновна Мудрая Природа
в непостоянстве красок небосвода.

1982

XXXIX

Игра и страсть

Предпочитаю отдаленье...
В тяжелой страсти смутна речь,
и мысль в спокойствии и лени
построить легче и сберечь.

Еще я слишком дорожу
любыми знаками вниманья
и соблюдаю с пониманьем
меж нами тонкую межу.

Боюсь тревожить словом мелким,
о недодуманном сказать
и попадаться на глаза,
когда в печали жизнь померкнет.

Так близко подхожу я к краю,
что понимаю — проиграю.

1979

XL

Три пути

Четыре ветра причитали
и все сомненья развевали
в том, что я был отправлен Вами
на все четыре стороны.

Одна — на Север, лоб горячий
поохладить в сияньи снега,
другая — броситься с разбега
в волну балтийскую, тем паче,

что не признал своей вины.
И на Восток еще дорога —
войти в малиновые чащи

лесов летящих и звучащих,
чтобы слагать стихи для Бога
при свете каменной Луны.

1977

XLI

Дорога на Запад

Четыре ветра завывали,
и пятьдесят ветров ещежды...
Но понимали мы едва ли,
что разбегаемся, как звезды.

Мне был на Запад путь недлинный —
послушать музыки старинной,
чтоб научиться Ваши речи
любить и в памяти беречь их

и повторять в печальный час.
И мы сыграли мизансцену
про Менелая и Елену.

И я задумался про цену,
какую платим мы сейчас
за тех, кто ждет и любит нас.

1977

XLII

Любовь женщины

Гимн женщине как лучшей из утех
слагали при свечах и при лучине...
А я хочу пропеть хвалу мужчине,
творящему со мной прекрасный грех.

Зачем ты так красив? Зачем природа
щедра к тебе и одарила плоть
такою силою, что мне не побороть
безумной тяги продолжать породу?

Зачем в мою межу бросаешь зерна,
что всходов не дают, а лишь томят?
В меня вонзаешь ты и плоть, и взгляд.

Я обмираю вмиг и непритворно.
И муть нисходит тучей на сознанье...
О, тайная любовь на расстояньи!

1965–1998

XLIII

Сонет Орфея

Нет, оценить не можем мы
того, что нам судьба послала.
Вот так Орфею было мало
вести любимую из тьмы.

Из нелюбви, как из тюрьмы,
мы убегаем с кем попало,
не повернув свой взгляд к началу,
забвеньем облегчив умы.

Но если осенью ненастной
или в другой какой-то срок
нам выпадет внезапно счастье,
мы вдруг умнеем от тревог

и, оглянувшись очень мудро,
встречаем одиноко утро.

1978

XLIV

Ноябрь

Ослепленный и солнцем, и снегом,
как твоей золотой красотой,
я вчера разговаривал с небом,
изумленный его пустотой.

Снег сверкал под ногами, искрился...
Было мне хорошо и смешно.
Я сегодня спешил, не побрился,
и пришел к вам с огромным мешком.

Я принес вам картошку на зиму.
С огорода картошка моя...
А в глазах твоих невыносимо
зеленел уходящий ноябрь.

И смотрела ты выше плеча,
где рябина красней кумача.

1956

XLV

Сонет желания

Хочу коснуться губ твоих...
Желанье это утомляет.
Ни сон, ни труд не утоляют,
не притупляют мыслей сих.

Твои глаза, твое дыханье,
посадка гордой головы,
двух малых сопок колыханье,
прическа с запахом травы,

ложбинки шеи, рук, ключиц,
пух абрикосовый предплечий —
тревожат память, мучат, лечат,
как первозданный текст страниц,

в которых прячется глава,
где Жизнь и Смерть — Мои Слова.

1958

XLVI

Игра для взрослых

Малые дети умней нас стократ
в тонких гармониях слов.
Им не понять бескорыстное зло,
приличий дурной маскарад.

Наши условности им ни к чему —
ложь им для правды нужна.
Мощному их молодому уму
радость открытий дана.

Ты, моя милая, тоже дитя,
и открываешь миры,
те, что кружатся, плывут и летят

вне нашей взрослой игры.
Не заиграйся, мой маленький друг.
В жизнь переход — не пустячный испуг.

1962

XLVII

Сонет удивления

На траверзе штиль, если шторм утомлен,
так рубищем ветхим становится лен...
На лес опускается темень и сон.
Ты слово сказала — и я удивлен.

Качается песня под ветром, как клен.
Так юность надежд своих терпит урон,
так головы катятся из-под корон...
Ты вдруг замолчала — и я удивлен.

Как окнами — дом, я людьми остеклен,
гляжу я на Мир в миллионы сторон...
Откинула волосы — я удивлен.

Так где-то в груди зарождается звон
и песней становится, словом пленен.
Ты вдруг улыбнулась — и я удивлен.

1959

XLVIII

Тайны

Как это все произошло? —
Я по просторам необъятным
мотался с целью непонятной
и познавал Добро и Зло,

когда Творец раскрыл клавир,
и ты явилась, как Светило,
и неуверенно спросила —
Кто я? Что значит этот мир?

Ты не на все нашла ответы,
я не постиг все тайны света,
но думал — поумнел вполне.

И вот мы встретились случайно,
и что тебе казалось тайной
вдруг стало тайною и мне.

1974

XLIX

Старый друг

Я на родимой стороне
давно уж не живу,
но часто вижу я во сне,
как будто наяву —

стакан в руке, и рядом друг,
и добрый разговор,
и сердца с сердцем перестук
привычный с давних пор.

Не умудренные пока
печалями разлук,
сидим с тобой — к руке рука,

мой старый добрый друг,
и кажется, что на века
касанье верных рук.

1976

L

Алиса

Я знаю, как всесильны числа,
года разлуки, дальность мест,
я знаю, где Страна Чудес
и где живет моя Алиса.

Она так выросла с тех пор,
когда о ней поведал Свету
один из истинных поэтов,
что не об этом разговор.

Предмет другой и мысль иная
меня тревожит и влечет —
как мы любовь запоминаем,

которой не было еще?
Быть может в сердце истин тьма,
что недоступны для ума?

1982

LI

Пустые зеркала

Я осознал не без усилий —
так Провидением дано,
что нет тебя во всей России...
Нет никогда, всегда, давно!

Была, но только пролетела,
мой тихий путь пересекла
душой, губами, кожей, телом...
И опустели зеркала!

Ушла, как сон мне неподвластный,
не повторяющийся сон,
неизъяснимо сладострастный
и хрупкий, как хрустальный звон.

И с этих пор в любых глазах
читаю расставанья страх.

1961

LII

Возражение Ронсару

Я карих глаз живым огнем пылаю,
я синих глаз и видеть не желаю...
Пьер Ронсар

Скорей погаснет солнце в этом мире
и звезды со своих сойдут орбит,
делиться будут блага без обид,
политик забренчит на нежной лире,

скорее гад ползучий полетит
и вырастет пшеница на Памире,
и юность позабудет о кумире,
чем смуглой мне приятен будет вид.

Чрезмерно ярок тон рыжеволосых,
во взгляде серых глаз печаль и осень,
зеленых глаз и карих не терплю.

Но как мне хорошо и как мне грустно,
когда вдруг вспомню я о светло-русой,
о синеглазой, что давно люблю.

1964

LIII

Душа и тело

Из двух частей мы состоим,
не равных в весе и значеньи —
из тела, духа, а мученье
дано в противоборстве им.

Несчастий наших в том причина,
что дух стремится ввысь, вперед.
Телесное, наоборот,
нас тянет в страшную пучину.

Но расстается тело с духом,
когда земля нам станет пухом.
И дух взирает с высоты

с насмешкой скорбной и блаженством
на то, что звал он совершенством,
на человека суеты.

1967

LIV

Вечный двигатель

Когда усталость беспощадно
лишает легких дум и сна,
жизнь представляется нескладной
и давит на сердце вина.

И если встанешь у порога —
так беспросветен дальний путь!
И в прошлом радости немного,
и в завтра страшно заглянуть.

И кажутся самообманом
все идеалы лучших дней,
и подвести итог пора нам —
чем безотрадней, тем верней.

Итог... Но этого нам мало,
смелей вперед, и все сначала!

1981

LV

Молчание

Хочу сказать и не могу...
Боюсь, что в гласных и согласных
есть много звуков безучастных
к моим мученьям, и в строку

в обычной речи на бегу
войдут других томлений части,
не относящихся к несчастью,
что я так скрытно берегу.

И я молчу. Но мне молчать
об этом — пострашнее мука,
чем слов неточных злая скука
в пустых обыденных речах.

Так между словом и молчаньем
вся жизнь — блужданье и качанье.

1964

LVI

Ночь в сентябре

Даря рельефы и объемы
и воздух видимым творя,
рассыпала по водоемам
луна оттенки янтаря.

И поднебесные хоромы
в ультрамарине сентября
стоят прозрачны, невесомы,
над спящим городом паря.

И сквозь ажурные балконы
плывут, сверкнув в немом окне,
цвет осени и тон иконный
вдоль по опасной стороне.

И, как в рисунках детских, кроны
красны и четки не вполне.

1975

LVII

Сравнения и выводы

Неумение
сравнивать —
основной
порок

Богов.
Неумение
делать
выводы

из
ма́стерских
сравнений —

основной
порок
людей.

1971

LVIII

Кузнецы

В работе кузнецов секрет таится.
Они скупы и в жестах, и в речах,
и отрешенно холодны их лица,
когда, как пульс, их молоты стучат.

Их легкие на первый взгляд движенья
под бесконечный и ритмичный стук
огромное скрывают напряженье
как клещи цепких и могучих рук.

И вот громада молота упала,
и, словно звезды, на броне рубах
погасли искры жаркого металла.
И вкус металла на сухих губах...

И воздух, и работа — горячи...
Они куют орала и мечи.

1967

LIX

Охота

Подкрасив губы, подтянув чулок
и насандалив скулы краской,
она идет на уголок
и предлагает ласки.

Седой от перекиси клок
висит над сексуальной маской,
и юный маленький сосок
наружу вылез без опаски.

Из-под ресниц шпионский взгляд
подразделяет всех подряд
на массу и партнеров.

И если сложится игра,
работы будет до утра
без чувств и разговоров.

1984

LX

Сначала и потом

Сперва я выбился из сил,
торя свой путь, творя свой быт.
И горечь в сердце накопил...
Чем чаще прав — тем больше бит.

Сначала песнь была забавой,
отдохновеньем и игрой.
Но опыт горький и лукавый
навеял мне минорный строй.

Я полюбил людей. Скорей
стихи их, музыку, мерцанье
их душ, и Бога созерцанье.

Потом я полюбил зверей,
озера, реки и леса,
и облака, и небеса.

1959

LXI

Сонет сочувствия

Так стыдно мне бывает за Творца,
когда в глаза людей гляжу порою.
Труды Его мне кажутся игрою
безумной, без достойного конца.

Как совершенны Реки, Горы и Леса,
так примитивно общество людское.
Нет ни Величья в нем, и нет Покоя.
Бездонны и спокойны Небеса,

несчастливы и семьи, и Народы,
правители безнравственны, глупы,
приказчики от имени толпы
выкачивают недра, травят воды.

И Бог мой нежный вечно терпит муки
за то, что дал нам разум, речь и руки.

1998

LXII

Наука и Бог

Пытаемся в глубины заглянуть —
открытий в мире нет, есть лишь безделки,
что во Вселенной подглядели в щелку,
что лишь на время освещают путь.

Тот, кто отрекся от всевышних сил,
застряв пока в прихожей микромира,
усвоил, как уютна та квартира,
в которой Бог не очень мирно жил.

Беспомощность ученых несомненна,
они создали слово «мракобес»
и бомбы, что швыряют до небес
тела и мозг людей — венец Вселенной.

Политики здесь, право, ни при чем,
им все равно — хоть бомбой, хоть мечом.

1961

LXIII

Патриотизм

Солдаты,
когда Вам приказывают —
Вперед!..
только потому, что перед
Вами

такие же солдаты,
которым офицер кричит —
Вперед!..
Вы поймите,

хотя Вы и солдаты,
что Слава Отечества
не стоит

Одной Человеческой жизни.
Хотя бы и солдатской.
Но Свобода...

1961

LXIV

Пустое небо

Тихо в мире и в квартире...
Ангел звезды в вышине
израсходовал, как в тире —
целясь прямо в сердце мне.

И на черном небосводе,
где уж нет небесных тел,
ничего не происходит,
даже ангел улетел.

Нет ни шороха, ни звона,
тьма — как толстая броня...
Только звезды нежным звоном

плачут в сердце у меня.
Свет и музыка миров
обрели надежный кров.

1960

LXV

Пробуждение

Так долго разум мой дремал,
так больно совесть созревала,
так тяжек мыслей арсенал,
что легких слов для жизни мало.

Я размышлял неторопливо
и отыскал итог в конце.
Любовь и Разум — это цель,
судьбы метафора и диво.

Нам от рожденья дан не Разум,
но предпосылка, силуэт.
Над плотью множество побед
творит его темно, не сразу.

А Разум знает от Любви
лишь слово краткое — Живи!

1955

LXVI

Сонет прозрения

Нам преподносит день ветра и тучи,
а ночь несет бессонницу и страх.
Нас жизнь терять, не удивляться учит,
и входит к нам тревога, как сестра.

И все яснее виден каждый случай
переплетением законов, и пора
их перевоплощенья, и летучий
предвосхищенный свет, и опытов игра.

И вот однажды в думах ежечасных
находишь смысл уже прожитых дней,
становится до удивленья ясно,
что цель — не мудрость, а дорога к ней.

И с кем поделишься добром и злом,
когда Харон махнет тебе веслом?

1972

LXVII

Счастливому

Когда бы я, как ты всегда,
удачлив был и, цель имея,
ее достиг бы без труда,
и мог спокойно, не немея,

смотреть в прекрасные глаза
без удивленья и испуга,
и знать, когда и что сказать,
и с легкостью утешить друга,

и многими любимым быть,
и превращать в искусство быт,
не сомневаться ежечасно,

не знать раскаяния мук,
не слышать сердца страшный стук —
я б чувствовал себя несчастным.

1968

LXVIII

Земля и Лица

Скажи мне, Христос, за что же
Господь некрасивыми сделал людей?
Взгляни вокруг на тыквы и рожи...
Это лица?! Видно, злодей

давал советы по части фаса.
А что касается профилей, брат, —
катастрофа! Ну ладно — раса...
А каждый отдельный-то в чем виноват?

А форма и сила тела?! Скажи же
почему так плотью люди слабы?
Один другого больней и жиже,
глаза кротов, обезьяньи лбы!..

Христос ответил: — Ты стал староват,
не постишься, не молишься, брат.

1986

LXIX

Море и Время

Устав от открытий печальных,
не веря уже никому,
я тихо ступил на корму,
от жизни жестокой отчалил.

В стихии просторно уму —
и в небо смотрел я ночами,
к ветрам обращался с речами
и думал, что жизнь я пойму.

Но волны меня укачали,
забыл я земли кутерьму
и все, во что верил вначале,

и новые чувства постиг,
и новую правду, и дали,
в которых бессилен язык.

1961

LXX

Зрение

Пройдут
тревоги
и печали,
придут

покой
и чистота.
Смотри,
какая

высота!
А
мы

ее
не
замечали.

1972

LXXI

Начало осени

Уже березы чуть желтеют,
прозрачней стали вечера,
и для грибов и для шалфея
пришла последняя пора.

И на рябиновых карминах,
и на листве, слыхавшей громы,
прохладной музыкой каминной
стихает ветер в полудреме.

Вернусь сюда, чтоб попрощаться,
увидеть сосны и траву...
Всегда я буду возвращаться,
пока уверен, что живу.

И может быть, в последний день
украсит память эта сень.

1955

LXXII

Наука

Познавший поиска все муки,
наивный, въедливый простак,
порой мудрец, порой чудак,
загадки Веры и Науки

решает все за просто так.
В академических канонах
установление одно —
когда в проблеме видно дно,

припасть с молитвою к Маммону.
Но если жила конъюнктуры
ложится поперек науки,

растет поток макулатуры,
и чистыми оставит руки
один лишь Гений близорукий.

1966

LXXIII

На фоне дождя

Дождь над лентами дорог.
Дождь.
И белый свет насквозь промок
Дождь.

Словно сотни тонких флейт
над просторами полей
Дождь.
Для земли он — как вино.

Сколько нам дождей
дано?
Все сливается вдали...

Дождь.
Встреча неба и земли.
Дождь...

1962

LXXIV

Вальс

Ваша Светлость, поглядите,
что за лица, что за речь!
Далеко остался Питер...
Больше нечего беречь.

Вдоль России скачут кони,
поперек летит дымок...
Что нам слава, что погоны!?
Наш удел теперь высок —

пуля в грудь или в висок...
А поручик на гармони
все пиликает вальсок.

Осыпается ковыль...
На погонах от погони
кровь и пыль.

1963–1998

LXXV

Темнота

Наступило печальное время —
ни покоя, ни ладу во мне,
и туманы, и сумрак вовне,
и друзья все в чужой стороне.

Я живу в темноте, в тишине,
и судьбы ненадежное стремя
потерял по своей я вине,
утонув и в стихах, и в вине.

И раскаянье бьется мне в темя,
и не хочется видеться с теми,
кто приходит ко мне при Луне,

и потерянной Истины семя
я ищу по бутылкам на дне,
и темно, и дождливо в окне.

1971

LXXVI

Великие Истины

Так кратко все на этом свете,
и есть всему последний час.
О, как недолго греют нас
Поэзия, Любовь и Дети.

Учись ценить и краткий миг,
пока живет в пространстве Слово,
пока Любовь жива и снова
ее напомнит Детский Лик.

Все не твое — смирись и с Этим.
Стих поглупел, Любовь прошла,
и Истина твоя мала.

Великих Истин ищут Дети.
Их на Земле в любом пути
в любой золе легко найти.

1982

LXXVII

Близнец

Я пил Луну из родника,
и звезды пил из речки.
Изменчивые облака
меня лишали речи.

Смола томительно текла
и оглушали кроны,
от ароматного тепла
смолкали птичьи стоны.

И в этой дикой красоте
под скалами базальта
я тосковал по суете,
по запаху асфальта.

А в городах, как между скал,
я все зеленый цвет искал.

1959

LXXVIII

Далекие времена

Для тех, кто начал жизни путь,
познать предмет или явленье
не составляет затрудненья,
лишь только взгляд свой окунуть

захочет юный ум в глубины
иных, пленительных веков,
где мудрость, знанья и седины
ум не спасли от дураков.

Примеры тех времен ужасных
расстроят так рассудок ясный,
так намудрят в его судьбе,

что все, что изучить хотел он
в чужом примере, а не в деле,
сам испытает на себе.

1957

LXXIX

Отрава

И дождь за окнами идет,
и девочка сандалит очи,
златопогонный идиот
нам отравить дыханье хочет.

И склеив волосы в пучки,
намазав хитрые глазенки,
вонзают зелье дурачки
в свои невечные печенки.

И голубые города
давно не снятся и не манят.
Жестокий Век — твоя беда,

твоя судьба — в твоем кармане.
И глаз прозрачная слюда
дрожит и плавится в дурмане.

1972–1998

LXXX

Тишина

Души
высокие
и нежные,
чтобы

развернулись
все
их
скрытые

силы,
нуждаются
в

тишине
и
одиночестве.

1961

LXXXI

Сон в августе

Адмиралтейская иголка
проткнула поздний звездопад.
И звезды падают без толка
на Эрмитаж, на Летний сад.

Спят камергеры и инфанты,
укрывшись с головы до пят.
И только четверо гигантов
никак коней не усыпят.

Храпят пажи и генералы,
бомбисты крутятся в тюрьме,
и Принц, отбросив одеяло,

румянцем светится во тьме.
Он так красив и так умен!..
Но нам Царем не станет он.

1971–1998

LXXXII

Фуга ре-бемоль

Чем меньше на судьбу обид
и чем скупее обещанья,
тем больше стыд и проще быт,
и реже встречи и прощанья.

Чем безграничней высота
и ближе солнечные пятна,
тем недоступней красота
и Слово Божие понятней.

И высота в Его стихах
внушает сердцу поневоле
любовь, похожую на страх

и оправданье Вечной Боли —
о чем грустит веселый Бах,
играя фугу в ре-бемоле.

1966–1998

LXXXIII

Общество

В бесплатных мужских туалетах,
с глазами убитых быков,
все снадобья из пузырьков
лакают бомжи. Без билетов

в общественном транспорте ки-
тайские сделав глазенки,
нахальные едут девчонки
и благостные старики —

стахановцы и полицаи,
прошедшие славный гулаг.
И злоба в глазах их мерцает

на старый трехколорный флаг.
К грошовому плюс пенсиону —
презренье к Стране и к вагону.

1988–1993

LXXXIV

Сны и явь

Какие сны приносит ночь!
Такие славные картины,
что, явь желая превозмочь,
рвусь из реальной паутины.

Но есть порядок бытия...
И я вползу в него, как в ножны.
Здесь трусость выучит моя,
что запрещается, что можно.

Закрой для сна страницы век
от этой жизни бесталанной.
Живи в мирах, где человек

пасет стада аэропланов.
Они съедают облака,
как овцы сочные луга.

1975

LXXXV

Сонет с кодой

Что дано нам от Бога, а что от скота —
не всегда нам доподлинно ясно.
Попадает на Небо порой мелкота,
а Великих в Тартар волочит суета.

Что печально и даже ужасно.
И послушники часто вульгарно грешны.
Соблюдают обряды формально,
а во всем остальном — холуи Сатаны,

выпивохи, обжоры, вруны, болтуны.
Что печально. Но, впрочем, нормально.
Есть ли Ад? Никому не известно!

А сегодня нам тут — и любовь и восторг.
Правда, завтра — болезни, и старость, и морг.
Что ужасно! Хотя интересно.

И не скоро. Конечно, не скоро,
и не стоит, друзья, разговора.

1998

LXXXVI

Сонет искупленья

У милой моей несчастливый удел —
печальной любви ее тягостна повесть.
Я верного друга обидеть сумел...
К какому еще преступленью готовлюсь?

Меня бы должны ненавидеть и гнать.
Куда там! Нальют в дорогую посуду
и просят — Сыграй нам, что можешь сыграть!
Без песен в душе и на сердце остуда.

Забыв про стаканы, хмельны и тихи,
внимают, не всё понимая в тех песнях.
Чем круче судьба, тем честнее стихи.

Чем сердце больней, тем мотив интересней.
Молитвой становится пенье
и дарит просвет искупленья.

1975

LXXXVII

Молитва

Бывал я и грешным, и чистым...
Был путь мой тернист и лих.
И в песнях я был неистов,
как в молитвах о детях моих.

Слог мой порой тревожен,
но тон деликатен и тих.
И в песнях я был осторожен,
как в молитвах о детях моих.

Я жил и бездарно, и серо,
подчас был невнятен стих,
но пел я с Великой Верой,

как в молитвах о детях моих.
Спасали на этом свете
меня молитвы о детях.

1985–1998

LXXXVIII

К сыну

Сын
мой
любезный,
ты

одержим
познанием
вещей
и

забываешь
о
познании

собственного
сердца,
сын.

1984

LXXXIX

Осенние журавли

Я войду в разнолистную осень,
где рябины закатов алей,
чтоб услышать, как ветер проносит
через озеро стон журавлей.

И полет эти легкие звуки
без гармонии выстроил в ряд.
И мелодии гибкие руки
окунулись в осенний наряд.

И летит, как больная баллада,
эта песня над гладью немой —
без тональности, ритма и лада,
непонятная стае самой.

Отстают от нее без подков
кони белые облаков.

1957

XC

Сонет заката

Когда словам, как детям,
пора от игр уснуть,
тогда молчанье это
не торопись спугнуть.

И пыль осела на дорогу,
и на деревьях свет погас,
и мы полны тревогой
за тех, кто любит нас.

Ни хлеб насущный и ни платье —
другая разорит беда...
Мы за надежду платим
наличными всегда.

А если пуст Души карман,
то значит, мертв ты или пьян.

1964

XCI

Ангел Апокалипсиса

Руки в брюки идет по мосту Мирабо,
долбанув двести грамм для затравки,
изучивший, как азбуку, всю Мира боль,
этот маленький Ангел в отставке.

И настанет пора вострубить до Небес
окончание Мира и Света,
и достанет трубу этот старый балбес,
и докурит свою сигарету.

Посмотри, как старательно щеки надул,
как морален и как он духовен,
чтоб сыграть тот пассаж, что писал Вельзевул
и подправили Бах и Бетховен.

Вот подносит к губам он свой медный мундштук.
Но он пьян. И срывается звук.

1996

XCII

Падение

Я живу на бесконечной Вышине,
от забот и искушений всех вдали.
И дымящих городов не видно мне,
и не слышно засыпающей Земли.

А когда я падал с белых облаков,
я чуть-чуть не долетел до Земли,
до стреляющих, жестоких чудаков,
где меня за своего принять могли.

Представляю, как бы встретили меня.
Запихнули бы в убогое жилье,
предложили бы Вершины променять

на яичницу и теплое белье.
Слава Богу, я упал среди камней,
на скалу, где был прикован Прометей.

1969

XCIII

Тени

Уходящие от взглядов,
сохраняющие суть,
наши души дремлют рядом.
Стоит только их вспугнуть,

закружатся и запляшут,
как осенние листы,
серединки жизни нашей.
Мы их тени — я и ты.

Тени лягут за предметом
на поверхность, на объем,
если их причину светом

и любовью обольем.
И тогда по всем приметам
им летать всегда вдвоем.

1961–1998

XCIV

Вечерняя порция

Когда опрокинешь в сухое нутро
пару флаконов, денек отработав,
мысли по венам, как поезд в метро,
мчатся, колотятся на поворотах.

Сядешь напротив, нальешь в стаканы́,
плеснешь в желудок огонь сивушный —
и вот мы как ветром унесены
туда, где моцарты лезут в уши.

Туда, где бетховены, как мурашки,
ползут по озябшей в восторге спине,
где души наши, как промокашки,

розово бухнут в крепленом вине.
И чем дешевле бормотуха,
тем шибче Шуберт прется в ухо.

1972

XCV

Задача

Один поэт читал стихи,
и у него изо рта,
как из тоннеля,
выскакивали
экспрессы метафор,
составы рифм и ассонансов.

Потом он замолчал
и затопил тоннель
вином, водкой и пивом.
Сообщение
между пунктами А и Б
прекратилось.

Каково расстояние
между ними?

1964

XCVI

Продолжение рода

О пьяница, твое лицо
и некрасиво, и не вечно...
Оно подарено отцом,
вино произвело увечья.

В нем ни ума, ни силы нет,
и нет порывов вдохновенных.
Не вздумай множить свой портрет,
производя неполноценных!

Быть может, на хмельное ложе
тебя допустит шалашовка.
И отведя свой взор от рожи,
ты насладишься с ней неловко...

Но Бог храни тебя и впредь
ребенка от любви иметь!

1972

XCVII

Нирвана

Я в нирване, а в нирване
словно розы на диване,
как смородина в сметане,
звуки блюза на мембране —

отдыхают мои мысли
и летят в небесной выси,
словно лани по саванне.
Легкий бег неторопливый

по зеленым летним нивам,
свет колеблется игриво
в золотых летящих гривах,

и качаются лениво
груши в тяжести налива,
перелива, недолива...

1975

XCVIII

Позвони родителям

Если пусто по карманам
и кирюхи не идут,
только мухи по стаканам
обозначили уют,

и внутри тебя помойка,
и в груди Апраксин Двор,
в бороде клопы и слойка,
в голове тупой простор —

щупай влажными руками,
в полусмерти матерясь, —
может, брюки с медяками

на тебе забыла Власть,
созвонись со стариками
и живи опохмелясь.

1971

XCIX

Смерть пьяницы

Счастье — это та же водка,
только с минусом и мраком,
если пьяную походку
завершает фраер раком.

А потом немой, незрячий
он лежит на старой койке,
потому что у горячки
послесловие — покойник.

Это лучшее решенье
неудачного свиданья
с профурсеткой, что страданье

выдает за продвиженье,
с этой, скажем, Жизнью. Впрочем,
он с ней мучился не очень.

1972

С

Похмелье

Вспоминай, как в понедельник
ты являлся на работу —
страшный, муторный бездельник,
нализавшийся тавоту.

Синещекий, некрасивый,
озверевший, неумытый...
Всюду рыскаешь за пивом,
а ларьки еще закрыты.

И внутри тебя, как пломба —
клин похмелья, дурь больная.
Словно ядерная бомба,
голова твоя дурная.

Хиросиму от затылка
отведет одна бутылка.

1971

CI

Смерть интеллигентного человека

И в умирании постельном,
и в подзаборной немоте,
вдруг понимаешь в простоте —
прекрасно пьянство, но смертельно.

Упав на землю, как котлета,
овеществленный, но пустой,
ты переходишь в Скорость Света
и улетаешь к маме той.

Лети, мой друг, в Иные Дали,
не возвращайся в Этот Мир,
где ждут тебя — тюрьма, сортир,
вранье, начальники, медали.

Свершилась жизнь, замкнулся круг!
Остался на земле испуг.

1973

CII

Марихуана

Уймитесь, не спасайте нас...
Все суета сует и тленье,
как говорит Экклезиаст.
Но духа нет! Одно томленье!

Ты одинок. Все пустота.
Жизнь — только скверная привычка,
а Истина и Красота —
метафизическая притча.

Поэты слишком много лгут,
философы — все обезьяны,
политик каждый — вор и плут.
Прозренье — суть марихуаны.

И в малой дозе — Все Миры,
начало и конец Игры.

1960

CIII

Ненужный опыт

Кто мелочь тырил по карманам,
рубли в страницы мудрых книг,
кто в Хмеля таинства проник,
в его Безумства и Обманы,

кто в Горькой мог топить недели,
кто видел ненависть детей,
кто не имел иных страстей,
чем свинство без причин и цели,

кто знал подошвы сапогов,
крушащие лицо и руки,
кто верил татю и подлюке,
поил подонков и врагов,

тот знает, что Душа из Тела
взлетает в Небо то и дело.

1969

CIV

Одиночество

Один спешил на электричку,
он ехал на свадьбу.
Другой ехал на похороны.
Они встретились в вагоне и познакомились.

Вышли в тамбур, закурили.
Заговорили о детях, которые редко пишут,
о женах, которые их не понимают.
Как важно кому-то об этих вещах рассказать!

Так забыли они, куда едут.
Сошли на одной станции
и зашли в буфет.

И, конечно, опоздали и на свадьбу,
и на похороны.
Ох, и влетело же им дома!

1961

CV

Белая горячка

Хоть на коне, хоть в раскорячку,
с червоной розой на груди,
родная Белая Горячка,
любовница моя, приди!

Тебе приятно будет это —
что душу я одел в пимы
и что в твоих тенетах лето
не отличаю от зимы.

Твои объятия смертельны.
От поцелуев след на теле.
Я плохо выгляжу, и к Богу

в таком я виде не пойду.
Налей стакан мне на дорогу,
чтоб пьяным был я и в Аду.

1970

CVI

Вино

Вино, вино, ты горе и отрава,
ты поцелуй Разлучницы-с-Косой,
ты дурь скотов, когда гудит орава,
дрянное пойло заедая колбасой.

Но ты спасенье, свет Души высокой,
что жить осуждена среди свиней и змей.
Ты дверь в Покои Грез любви зеленоокой,
что стелет ложе в поле маков и камней.

Твои мира́жи жутки и волшебны,
твои открытия смертельны и смешны,
для сердца пагубны, а для души целебны,
для печени — насос и дырка для мошны.

Для Человечества ты и Добро и Зло.
Для каждого — кому как повезло...

1979

CVII

Город

О, Век, во что ты превратил
все города большие наши!?..
Лежит в подвале мальчик страшный
с рукой исколотой, без сил

и без сознания, и без
жилья, и без могилы.
Девицы злые, как сивиллы,
которых убоится Бес,

нечистоплотные гетеры
идут к гостиничному скверу,
где поджидают фирмачей.

И брошенные старики
болеют с горя, от тоски...
И умирают от врачей.

1986

CVIII

Очарованный гость

Я помню, выйдя на узкий двор
из коммунальных глубин, —
Народ России — убийца и вор,
и я его верный сын.

Пройдя миллионы кровавых мест,
проплакав века насквозь, —
Народ России — Голгофский Крест,
и я его ржавый гвоздь.

И звезды, горохом ссыпаясь в горсть,
несут ко мне, как рефрен, —
Народ Руси — очарованный гость,
проданный в рабский плен.

Но в Книге Книг в главе Перемен
рабу пропето — Восстань с колен!

1997

CIX

Политик

Наевшись мяса на жиру,
рыгая луком и сивухой,
потея в холод и в жару,
тупой на зренье и на ухо,

обуза городов и сел,
что под его рукой нищают,
к оторве в логово пришел
и развлекается мощами.

Она не смотрит на лицо,
работает с тупой ленцой.
Он ей оплатит эту страсть

за счет униженного края.
Чтобы, вернувшись, снова красть,
святого мастерски играя.

1985–1998

CX

Месть Природы

Проучи нас, Добрейшая наша Природа!
Подними свой карающий маленький меч.
Посмотри на лицо должностного урода —
он убийца, он радость не может беречь.

Это ты, Плодородная, мать этих дядек.
Стань Ураном, пожри их, назначь им инсульт!
Они плоть твою рвут и Плутонием гадят,
и мутацию нам в хромосомы несут.

Проучи ненавидящих Тихое Знанье.
Они с ядом в глазах отливают мечи.
И невинным придется терпеть наказанье...

Ибо мы промолчали. И нас проучи!
Мы живем, словно временщики —
не отводим приклад от щеки.

1972

CXI

Дети улиц

Как ловкие и хитрые крысята,
по двое, по трое по улицам снуют
Оборванные злобные ребята,
забывшие про сытость и уют.

То побираются, то продают газеты,
то грязной тряпкой иномарки трут.
Зимой болеют, оживают к лету,
в подвалах спят у старых труб.

Глаза воспалены и бегают тревожно,
и ловят — где опасность, денежка, кусок.
И цедятся слова коряво, осторожно,
и тельце ловкое готово на бросок.

Порой находят их тела на чердаке
с купюрой сжатой насмерть в кулаке.

1998

CXII

Тридцать восьмой

Я жил не сначала в отрезке времен,
что веком двадцатым назвали,
но всем его скарбом я обременен
и выброшу что-то едва ли...

Увидел я свет в приснопамятный год,
когда забирали ночами.
Гулял в парусиновых туфлях народ
и маршировал с кумачами.

И сквозь полуправды нестойкий туман
то время прекрасно и жутко...
Какой на Европу спустился дурман,

какие царили ублюдки!
Сегодня опять подлецы и глупцы
пролезли наверх, как тогда их отцы.

1979

CXIII

Тыловое детство

Прошли мы круг лишений и скитаний.
Но Век был все же благосклонен к нам.
И Наша Жизнь — одно из подаяний
Истории — несытым пацанам.

Каких лишений и какой тоски
мы без отцов перетерпеть сумели!
Я помню все больничные постели,
в карманах рваных биты и бруски.

Взрослели мы от горя каждый час...
И каждый выбрал по себе дорогу.
Вы — юные, смелей и лучше нас.

Не зная голода, умнея понемногу,
отстали Вы от нас на целый Класс,
на страшный Класс Войны. И слава Богу!

1966

CXIV

Оттепель

Окончилось время жестоких людей,
и Мир стал наивен и честен.
Счастливые годы безумных идей
и глупых решений и песен.

И вещи в моленьях ночных и дневных,
как старые жадные Боги,
возникли, и жертвы несущих для них
сводили с ума и с дороги.

Ударило лихо в упор и не раз
по бывшей ватаге дворовой.
И ставили опыты тати на нас,

но мы оставались здоровы.
И с верой наивной глядели вперед,
в ту пропасть, куда будет падать народ.

1979

CXV

Грань веков

Разрушился следом за Рейхом и Рим
четвертый и самый жестокий.
И опыт бессмыслен, он неповторим.
И снова по Миру с Востока

великое переселенье идет,
вовсю образуя Всемирный Народ.
Досыта вкусившая крови и бед,
Земля, как беспечный «Титаник»,

плывет в свою новую тысячу лет —
одинокий космический странник.
И память горчит, как над Родиной дым,

и сердце все ноет и ноет.
Ах, с кем это было — с народом моим?
Или с тобой и со мною?

1979–1998

CXVI

Гости Вселенной

В Природе Время мало значит,
леса не знают седины.
А жизни солнечный мой зайчик
уже отпрыгал полстены.

Пройдут бесчисленные годы,
ни в чем не изменив основ.
И дремлет мудрая Природа,
и время есть для долгих снов.

А мы пройдем ее лесами,
оставим свой тяжелый след.
Дымы от нас под небесами
не выпьет Космос много лет.

Мы не нужны долине, морю...
Не Соль Земли мы — Боль и Горе.

1969–1998

CXVII

Восток и Запад

Время смешало — Вблизи и Вдали
и раны посыпало солью.
И все, что случилось в пределах Земли,
семейной становится болью.

И мучают Память и Совесть мою
слова, что звучали украдкой.
И нужно сказать мне, а я все пою
по старой подпольной повадке.

И снова стою на скрещенье дорог,
и вновь задаю себе те же вопросы.
Мой взгляд светло-серый тревожит Восток,
а Западу кажется рысьим, раскосым.

И слышу я — Час твой неровен...
Ты русский и, значит, виновен!

1988

Содержание

I. Музыка 3
II. Язык Души 4
III. Начало 5
IV. Любитель живописи 6
V. Первая встреча с Музой 7
VI. Вторая встреча с Музой 8
VII. Евтерпа 9
VIII. Повторы 10
IX. Слова 11
X. День и Ночь 12
XI. Сонет Гармонии 13
XII. Гитара 14
XIII. Желание полета 15
XIV. Явление слова 16
XV. Старые мастера 17
XVI. Джаз 18
XVII. Бродский 19
XVIII. Народный писатель 20
XIX. Коллеги 21
XX. Артисты 22
XXI. Тетрадь 23
XXII. В безлюдном мире 24
XXIII. Сонет несовпадений 25
XXIV. Расстояния 26
XXV. Слушательница 27
XXVI. Затмение Солнца 28
XXVII. Мольба о безумии 29
XXVIII. С июля по октябрь 30
XXIX. Сонет предчувствия 31
XXX. Преграда 32

XXXI. Украшения 33
XXXII. Сонет измены 34
XXXIII. Сонет разлуки 35
XXXIV. Две птицы 36
XXXV. Портрет на фоне июня 37
XXXVI. Август 38
XXXVII. Времена 39
XXXVIII. Повинный сонет 40
XXXIX. Игра и страсть 41
XL. Три пути 42
XLI. Дорога на Запад 43
XLII. Любовь женщины 44
XLIII. Сонет Орфея 45
XLIV. Ноябрь 46
XLV. Сонет желания 47
XLVI. Игра для взрослых 48
XLVII. Сонет удивления 49
XLVIII. Тайны 50
XLIX. Старый друг 51
L. Алиса 52
LI. Пустые зеркала 53
LII. Возражение Ронсару 54
LIII. Душа и тело 55
LIV. Вечный двигатель 56
LV. Молчание 57
LVI. Ночь в сентябре 58
LVII. Сравнения и выводы 59
LVIII. Кузнецы 60
LIX. Охота 61
LX. Сначала и потом 62
LXI. Сонет сочувствия 63
LXII. Наука и Бог 64
LXIII. Патриотизм 65

LXIV. Пустое небо 66
LXV. Пробуждение 67
LXVI. Сонет прозрения 68
LXVII. Счастливому 69
LXVIII. Земля и Лица 70
LXIX. Море и Время 71
LXX. Зрение 72
LXXI. Начало осени 73
LXXII. Наука 74
LXXIII. На фоне дождя 75
LXXIV. Вальс 76
LXXV. Темнота 77
LXXVI. Великие Истины 78
LXXVII. Близнец 79
LXXVIII. Далекие времена 80
LXXIX. Отрава 81
LXXX. Тишина 82
LXXXI. Сон в августе 83
LXXXII. Фуга ре-бемоль 84
LXXXIII. Общество 85
LXXXIV. Сны и явь 86
LXXXV. Сонет с кодой 87
LXXXVI. Истоки 88
LXXXVII. Молитва 89
LXXXVIII. К сыну 90
LXXXIX. Осенние журавли 91
XC. Сонет заката 92
XCI. Ангел Апокалипсиса 93
XCII. Падение 94
XCIII. Тени 95
XCIV. Вечерняя порция 96
XCV. Задача 97
XCVI. Продолжение рода 98

XCVII. Нирвана 99
XCVIII. Позвони родителям 100
XCIX. Смерть пьяницы 101
C. Похмелье 102
CI. Смерть интеллигентного человека 103
CII. Марихуана 104
CIII. Ненужный опыт 105
CIV. Одиночество 106
CV. Белая горячка 107
CVI. Вино 108
CVII. Город 109
CVIII. Очарованный гость 110
CIX. Политик 111
CX. Месть Природы 112
CXI. Дети улиц 113
CXII. Тридцать восьмой 114
CXIII. Тыловое детство 115
CXIV. Оттепель 116
CXV. Грань веков 117
CXVI. Гости Вселенной 118
CXVII. Восток и Запад 119

Александр Александрович Дольский
СОНЕТЫ

Компьютерная подгототовка оригинал-макета *А. Б. Левкиной*

Формат 70×90¹/₃₂. Печать офсетная. Гарнитура "Times".
Усл. печ. л. 4,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 6.

Лицензия ЛР № 064057 от 05.05.95

Издательство Фонда Русской поэзии
при участии альманаха "Петрополь"
191040, Санкт-Петербург, ул. Пушкинская, 10.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК "БИОНТ"»,
199026, Санкт-Петербург, В. О., Средний просп., 86.